

Елена Савельева

Пусть сбудется моя мечта

12+

Елена Савельева

Пусть сбудется моя мечта

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Савельева Е.

Пусть сбудется моя мечта / Е. Савельева — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Как думать о скучной учебе, когда у тебя в душе появляется первое чувство? Когда в жизни так много интересного, помимо надоевших школьных сочинений и задач? Оля учится в восьмом. И у нее всё-всё впереди: экзамены, дружба и ссоры с одноклассниками, домашние проблемы и, конечно, первая любовь - иногда радостная, иногда печальная, но непременно светлая и добрая.

Содержание

Гринев и дворовой котенок	5
Девяносто девять слов	8
Вот такие каникулы!..	12
Снежные танцы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гринева и дворовой котенок

Мама говорит, что в моем возрасте влюбиться невозможно. И что все это мои фантазии, не бывает никаких чувств в восьмом классе. Я стою за выступом стены, отделяющим коридор от кухни, и слушаю, как мама рассказывает бабушке про то, что я вчера ревела из-за «какого-то Сашки». Ну да, да – подслушивать нехорошо. А рассказывать без спросу, о самом сокровенном? О том, о чем с тобой поделились по секрету? Тем более, если это твоя дочь – самый близкий человек на свете?

Слышу, как звенят чашки и с хрустом ломается печенье; как бабушка говорит маме, что надо поменьше меня слушать и побольше заниматься делом. Да, да, точно... давайте нагрузим меня к танцам и английскому еще и спортом каким-нибудь. А потом скажем, что я, наверное, дефективная, если не могу нормально учиться. Прижимаюсь к стене, а глаза опять наполняются слезами – и откуда они во мне берутся в таком количестве?! Неделя еще не дошла до середины, а я уже раз восемь ревела. Беззвучно, на цыпочках, поворачиваюсь и ухожу к себе в комнату. Достāju русский, включаю любимую музыку и, отгородившись от этого всего наушниками, начинаю делать уроки. Всё-таки обособленные обстоятельства – это страшная скука. Впрочем, и определения не лучше. И зубрить эти бесполезные вопросы совсем не хочется. Достāju зеркальце и смотрю на себя – не красавица. Лицо круглое, щеки тоже... Глаза – не карие, не голубые. Цвета крыжовника, как говорит мама: не выразительности, не яркости, не глубины. Разве такими глазами сразишь кого-нибудь даже самым нежным взглядом? Ни-когда....

Сегодня в школе я весь день старалась не смотреть на Рябинина, а то надо мной скоро начнут смеяться. А Саша Рябинин шептался со своим вечным спутником Свиридовым и даже не заметил, что я на него не обращаю внимания: так увлекся разговором со своим неразлучным другом. Этот Свиридов только и делает, что командует и такой из себя весь лидер. Здоровый такой, да еще и отличник. Рябинин, конечно, на его фоне почти не виден, он вообще такой худенький, маленький и какой-то незаметный. Отвечает коротко, еле на тройку. У доски совсем теряется, еле отвечает – мямля, а не парень. И чего меня постоянно тянет на него обернуться – не знаю... Мне так хочется сказать ему что-нибудь такое, чтобы он наконец-то понял, увидел, услышал меня!.. Но Рябинин не разлучается со Свиридовым и на переменах: включают в телефоне какой-нибудь отстойный рок, воткнув в ухо по наушнику и дружно качают в такт музыке головами, как два дрессированных попугая.

Как попало, но русский сделан. Математику сегодня не задавали, биологию учила еще вчера. Так, осталась литература... Вот уж, что я точно не люблю – так это литературу. Ну зачем, зачем мне этот Гринева? Какое мне дело до какого-то там Швабрина с его самодурством? Пусть стоит себе в углу с остальными швабрами-метелками и не мешает мне жить! Машенька, Петенька, Алексей Иванович... Их же и в жизни-то не существовало, зачем столько столетий обсуждать? Оно – богатство это литературное – уже не только миллион раз устарело, но прокисло, поросло плесенью и напрочь высохло. А это: «Благородство и человек»?.. Совсем они там в своем девятнадцатом веке без ума, что ли, жили: влюбился, вот и бегал. Конечно, он Машу спасал, он же и для себя старался. Да, хуже темы и придумать нельзя... Смотрю в окно, подперев рукой подбородок. Стараюсь думать о положительных чертах Гринева. Что он там, смело пошел на риск?..

...На прошлой неделе в нашем дворе рыжий котенок, дурында маленький, залез на березу – на самый верх. Его туда загнал спаниель дяди Сережи – соседа по подъезду, толстого и вечно шутящего над всеми. Котенок абрикосово-мохнатым дублем солнца качался на ветке чуть не у вершины дерева. Дядя Сережа молча стоял под березой, задрал голову и поставив козырьком руку над глазами. Беспорядочно-пятнистый пес бессмысленно лаял. Бабки, которых словно

магнитом тут же стянуло к газону, скособочившись и опираясь на трости, охали, причитали и ругали всех собак на свете. А я смотрела в окно на это все и не знала, что делать. И как-то даже не заметила, как к березе подошел Саша. Только увидела, как вдруг он оказался уже метрах в двух от земли и стал быстро лезть вверх. Ветер толкал березу изо всех сил, и чем дальше, тем больше отклонялась от вертикали темно-синяя куртка, прижавшаяся к черно-белому, как спина спаниеля, стволу. В один момент ветер рванул, и котенок почти свалился с ветки, а Рябинин чуть не прыгнул его ловить. Бабули заохали в голос, разводя руками и хватаясь за сердце. Дядя Сережа забегал вокруг дерева, пытаюсь угадать точку падения. А мне было так страшно, что, казалось, мое сердце падает с той самой верхушки вместе с котенком и Сашей. И только когда они Саша все-таки достал рыжика и оба они благополучно оказались на земле, я смогла выдохнуть нормально. Котенок сразу же куда-то ускакал, Рябинин ушел в сторону дома Свиридова, бабки разошлись, а спаниель увел дядю Сережу домой – делать ему во дворе больше было нечего. И почему-то на душе стало так странно. Все казалось таким пустым – словно ничего и не было, словно вот только что – всего несколько минут назад – жизнь Рябинина не могла переломиться об асфальт, ощетинившийся серой колючей массой под чуть не упавшим человеком...

С трудом дописываю сочинение и, зевая, валюсь в кровать. Уголок подушки щекочет нос как березовый листик, и я с удовольствием сбегая от мира великой и правильной литературы в приятный сон о беззаботных каникулах и ярком солнце.

Следующий день весь был ненормально суматошным. Мама проспала на работу, я проспала из-за этого в школу, впопыхах сложила не те учебники, после второго урока выяснила, что забыла начертить схему дыхательной системы человека. И весь третий урок – литературу – чертила ее заново, взяв учебник биологии у Ленки Польшгаловой. Обсуждение Гринева и Маши немного раздражало, кружась вокруг меня мушино-жужжащим фоном, но особо не мешало. Я увлеклась раскрашиванием разноцветных стрелочек и не заметила, как наступила тишина.

– Тет-ра-ди! – невпопад моим мыслям отчеканила Наталья Васильевна.

Я подняла голову и поняла, что все передают вперед тетради. Сочинение! Вот это да, я же забыла, что сегодня мы сдаем гриневско-швабринские излияния! Что я там понаписала ночью – теперь и не вспомнишь. Польшгалова пихнула меня локтем в бок и сунула в руки тетрадки, переданные с задних парт. Пришлось срочно лезть в сумку и присоединить к общей стопке свою тетрадь. Ладно, одна оценка погоды не сделает, думаю я, оправдывая себя и стараясь загасить тревогу перед замаячившей неизвестностью между призрачной тройкой и нежелательной двойкой. Тетради шмякнулись об первую парту, слились с трех рядов в разноцветную башню с криво слепленными, как у домашнего торга, слоями и переехали на учительский стол. Свиридов под партой включил на телефоне какое-то видео, и они с Рябининым смотрели так сосредоточенно, словно из экрана сейчас должен был вылететь крохотный Боинг. Я отвернулась, чтобы не пялиться на эту слитую парочку.

Вечером в танцевальной студии была генеральная репетиция: следующие три дня нашей студии «Малинка» предстояли выступления во дворцах культуры, которые давали концерты в честь Дня города. Что ни говори, а танцевать намного интереснее и веселее, чем торчать как шпала в школьных коридорах. Праздничные дни, усыпанные блестками, раскрашенные букетами желто-красных тюльпанов и бело-рыжих гербер, отдающиеся эхом долгих аплодисментов прошли так быстро, словно это был один вдох и один выдох. Хотя последний, отчетный, концерт занял почти все воскресенье, и домой я пришла на прямых от напряжения ногах. Есть не хотелось, но мама запихивала в меня капустные пироги и говорила, что меня скоро начнет сдувать ветром, если я похудею еще на два килограмма. Что же, вот это совсем не беда: улечу куда-нибудь высоко-высоко, далеко-далеко – в горы. Буду гулять с альпийскими козочками и прясть из их тончайшей шелковой шерсти красивые туники, которые потом непременно станут

мировым брендом. И мои одноклассники – и Рябинин тоже! – будут всем вокруг показывать школьные фотки и говорить: «А ведь я с ней вместе учился».

Девяносто девять слов

В понедельник я шла в школу с настроением, какое бывает только после концертов. Как же это здорово – когда ты на сцене, когда музыка и ты – одно целое! Это вам не математика какая-нибудь с тягостной печалью уравнений. У меня даже выворотность после выступлений становится лучше: носки ступней разворачиваются в стороны легко, изящно, почти как у балетных. Я иду: ноги длинные, стройные, спина прямая, голова высоко поднята, на затылке густой хвост, качающийся в такт шагам; и мне кажется, что мной любуются все прохожие. Дверь школы, конечно, не украшает вывеска «Хореографическое училище», но ведь и здесь могут учиться красивые и талантливые.

Ленка Польшгалова привела мое настроение в норму за полторы минуты, сообщив, что сегодня будет разбор сочинений по «Капитанской дочке», и что Наталья Васильевна уже даже выступила по этому поводу на педсовете: что-то там ее поразило настолько, что это надо вот обязательно обсуждать. Я с отвращением рылась в сумке, перебирая без всякого желания тетради, и никак не могла вытянуть ту, которая нужна на уроке. География с историей прошли в беспокойном ожидании. Хотя... Чего мне ждать страшнее двойки? А уж эту неприятность я как-нибудь переживу: мама знает, что у меня были концерты, и, наверное, простит.

Голова сама, как будто ей управляла чья-то чужая воля, опять повернулась к парте, где сидел Рябинин. Свиридов как раз что-то изображал, гримасничая, как свихнувшийся орангутанг. Он заметил мой взгляд и вывалил изо рта язык на всю длину, еще и скосив при этом глаза. Убогий. И так ни ума, ни внешности, так он еще себя, на голову калечного, уродует. Я повернулась к Ленке и стала делать вид, что мне очень интересно знать, какие именно достоинства и недостатки она нашла у прекрасного и ужасного Петра Гринева. Вот уж кого-кого, а Польшгалову можно не кормить и не поить: главное, книгу ей дайте. И хоть на трое суток в карцер: не удивлюсь, если она даже не заметит перемены обстановки.

По сочинениям она у нас в классе первая: ее всегда хвалят, выделяют. Правда, говорят, что к ОГЭ и ЕГЭ ей нужно отнестись с особым вниманием, потому что Ленкины мысли не укладываются в четкие схемы и алгоритмы написания и выходят далеко за очерченные пособиями границы. Польшгалова к нимбу школьного Чехова привыкла и относится к требованиям экзаменов снисходительно. А я вот слова в тексте всегда считаю, потому что иногда не дотягиваю даже до необходимого минимума в семьдесят слов. Это нас Наталья Васильевна с этого года активно дрессирует в качестве подготовки: структура, количество слов, правила подачи мысли... С ума сойти, в общем. Нам до ОГЭ еще – как до Франции пешком топать, чего нас сейчас-то мучить.

Обреченно пропиликал звонок, предвещая начало пытки. Все зашевелились, расползаясь по местам, как гусенички под дождем: не спеша, с некоторой ленцой и солидностью. Рябинин пропрыгал к своей парте укушенным зайцем – похоже, спятил от общения со своим другом. За ним прогрохотал Свиридов, цепляя на своем пути все учебники и портфели, шмякнулся на стул и откинулся назад с таким самодовольным видом, что можно было подумать – Нобелевскую ему дали.

Наталья Васильевна вошла в класс, и я автоматически съежилась, стремясь занять как можно меньше места над партой и сместить как можно большую часть себя в безопасное пространство под столешницей. Если бы не моя неуклюжесть, такое перераспределение телоположения осталось бы, несомненно, незамеченным. Но я (кто бы сомневался!) умудрилась уронить пенал, из которого тут же во все стороны брызнули ручки и карандаши.

– Ну да, – пристально посмотрела мне в глаза Наталья.

Все, теперь дело добром не кончится. Поверьте бывалому человеку: если учитель смотрит вам прямо в глаза, да при этом еще выдает какое-нибудь многозначительное хмыканье или

сам себе что-то под нос поддакивает – считайте, что вам лучше было напроситься на весь день помощником дворника. Школа сегодня – не ваш вариант.

– Ну что же, – задумчиво сказала Наталья Васильевна, доставая тетради с сочинениями из шкафа. – Сейчас мы быстренько пройдем новую тему, а потом обсудим ваши размышления.

Под заунывную лиричность Лермонтова отчаянно хотелось спать. Я прикрывала рот учебником, делая вид, что читаю, а сама до слез зевала. Польшгалова злобно смотрела на меня, пихала локтем и шипела, что «Лермонтов – светоч русской поэзии». Я кивала и думала, что светочей этих – полный учебник каждый год.

– Ну а теперь, наконец-то, мы перейдем к вопросу, которого вы так ждали весь урок, – торжественно и загадочно посмотрела на класс литераторша.

Странное у нее все-таки представление о том, чего мы так ждем. Любому минимально адекватному человеку с семи лет ясно, что ждем мы перемены. А наивные учителя вопреки здравому рассудку умудряются верить, что содержание урока может прельщать больше, чем свобода. Впрочем, если взглянуть на вытянувшуюся, как линейка, Ленку Польшгалову... С ее мечтами все понятно: большая-большая пятерка, которая с трудом влезет на страницу журнала.

– Ребята, – проникновенно произнесла Наталья Васильевна, – творчество нашего великого классика, несомненно, должно было тронуть ваши души. И, как я и надеялась, многие из вас подошли к анализу произведения вдумчиво, с душой. Очень показательно в этом смысле сочинение Лены Польшгаловой, разобравшей образ Петра Гринева тщательно, всесторонне.

Класс привычно покосился на Польшгалову, накрепко застывшую в статусе отличницы. Ленка сидела гордо, не шевелясь, и только щеки ее алели больше обычного.

– Отлично сформулировал свои мысли Миша Кузнецов, – одобрительно улыбнулась литераторша рыжему очкарику – юной гордости школы. – Но сегодня я хочу обратить внимание на другое сочинение.

Наталья Васильевна сделала паузу. Кузнецов равнодушно тер пальцем парту. Кто-то уже начал поворачиваться к соседям и вообще стал заниматься более интересными и нужными делами. Одна Польшгалова сосредоточенно, исподлобья смотрела на учительницу и недовольно морщила нос.

– Мне кажется, ребята, – Наталья Васильевна от волнения прижала стопку тетрадей к груди, – самое главное, это когда мы умеем не только понять замысел автора, но и увидеть прекрасное в людях, которые живут рядом с нами. Писать не об отстраненных понятиях, а о своих одноклассниках, показывая их благородство. Ведь это говорит о том, что мы умеем ценить и любить тех, кто рядом с нами. И замечательно, что вы не боитесь говорить о достоинствах одноклассников прямо, с достоинством, с уважением.

Литераторша увлеклась и не заметила, что в классе повисла тишина. Все косились друг на друга, а клоун Свиридов всем своим видом демонстрировал, как он изумлен речью учительницы, и театрально, в такт ее словам, показывал рукой то на одного ученика, то на другого, театральными жестами вопрошая, о ком таком чудесном идет речь в сочинении.

– Сегодня, я думаю, мы с вами заново познакомимся с человеком, которого, как нам казалось, мы знаем несколько лет. – от волнения Наталья Васильевна часто начинала говорить замысловато, с легкой дрожью в голосе. – Оля Воронцова!

Я вздрогнула и бросила на парту ручку, которой разрисовывала обложку тетради. Что Воронцова? Рисовать, что ли, нельзя? Пришлось отодвинуть тетрадь и подпереть голову рукой, делая вид, что слушаю.

– Оля, что же ты сидишь? Встань, – изумленно спросила литераторша. – Впрочем, если хочешь, оставайся на месте.

Наталья Васильевна положила тетради на стол и, пересортировав их ловким движением фокусника, достала из стопки одну: сиреневая. Моя...

– Долго время я была уверена, что Оля не только не хочет, но и не может писать сочинения, – доверительным голосом продолжила Наталья Васильевна свой монолог. – И переживала, как она справится с ОГЭ, а потом с ЕГЭ, ведь ее тексты по объему зачастую не дотягивали и до шестидесяти слов! Но это, к счастью, тот случай, когда учитель ошибается. Оля подала нам всем пример глубокого понимания жизни, умения связать это с литературным произведением и при этом уложиться в нормативы. Девяносто девять – столько слов в Олином сочинении. Но смысл я оцениваю на хорошую, достойную книгу. Оля, я ставлю тебе пять – заслуженную и справедливую. А теперь я прочту твоё сочинение классу.

Я сидела, опустив голову. Где-то под кожей щек полыхал пожар, сжигающий все мысли. Что, что я там написала?! Помнился только сонный поздний вечер да надоедливо-образцовый Гринев...

Класс молча смотрел на меня. Кто развалившись, кто, наоборот, наклонившись вперед. Я никогда не выделялась особо, и чтобы меня разглядывали так – все сразу и вместе – не было никогда даже во время провальных ответов у доски...

Прошелестела, открываясь, тетрадь. Выгнулась мягкими послушными страницами в руках учителя, запахнув перед всеми мою душу – душу, неведомую мне самой...

Наталья Васильевна надела очки и начала читать:

– «Капитанская дочка» – повесть Пушкина о людях девятнадцатого века. В образе Петра Гринева много положительных черт. Гринев, рискуя собой, помогает Маше, попавшей в плен к разбойнику Пугачеву. Это благородно и правильно.

Можно помогать бескорыстно, и не только людям, но и, например, животным. И при этом не выставлять поступки напоказ.

Однажды я случайно увидела, как Саша Рябинин спас котенка, залезшего на березу. Люди собрались вокруг, но никто не хотел рисковать. Саша забрался на дерево, сильно качавшееся под ветром, и сам чуть не упал. Я вижу в этом поступке настоящее благородство: способность помогать и при этом оставаться простым и скромным человеком».

В горле стоял громадный ком, от страха было дышать невозможно. Но еще страшнее было проглотить ледяной шар, забравшийся внутрь меня, в этой странной монолитной тишине. Как сейчас поднять глаза? Как посмотреть на всех? Даже не видя никого, я чувствовала, как все сорок восемь глаз одноклассников изучают меня. Изучают, как непонятную рыбу-мутанта, вдруг вышвырнутую океаном прямо в центр людного пляжа.

– Оля, ты молодец, – умудрялась не понимать ситуацию литераторша. – Ты умеешь наблюдать за людьми, анализировать, делать мудрые выводы. Я уверена, что в будущем ты сможешь, если захочешь, стать психологом. И замечательно, что ты рассказала нам о поступке Саши: он смелый человек! И, действительно, бескорыстный.

По дыханию класса, вдруг отвернувшегося от меня, поняла, что теперь центром внимания стал Рябинин. И это, наверное, было еще ужаснее: ведь с этого момента я стану для него предателем! Человеком, который подглядывает, а потом рассказывает то, о чем не просят! Переносить все это дальше не было сил. Я одним движением сгребла вещи с парты, закинув в удивленную кожаную пасть сумки учебник и тетрадь, и прыжком рванула к выходу. Где-то за спиной послышались возмущенные возгласы: похоже, я сшибла с соседских парт все, что лежало у края. Но это уже все равно!

Я бежала, бежала, бежала по школе – вниз на третий, на второй, коридор, поворот к лестнице на первый. И мне слышалось, что кто-то несется вслед за мной – почти шаг в шаг. Влетела в раздевалку, прижалась в углу среди свисающих с вешалки старых халатов с трудов и замерла. Барабанный бой сердца почти утих, уступив место отчаянью и тоске. Так сломать отношения с классом, так глупо выставиться! Быть мне теперь изгоем!.. Я подняла руку, чтобы вытереть хлынувшие из глаз слезы, превратившие все вокруг в расплывчатое нечто, и... Передо мной кто-то стоял. Я проморгалась, скидывая с ресниц линзы слез, искажающие мир. Рябинин...

Оля, – тихо сказал Саша. – Оля...

И слезы – колючие от неожиданного чувства, столь же непонятного, как и захватывающего душу, – в очередной раз побежали по моим уже почти пунцовым щекам...

Вот такие каникулы!..

Все утро мама разговаривает по телефону. То тетя Тамара позвонит, то Ирина Павловна. Мировые катастрофы в виде очередного опоздания мужа домой, неудавшегося на работе праздника или грызни с соседями, ратующими за ТСЖ, вылезают из этих женщин так регулярно, что, кажется, нет в жизни ничего важнее. И это так срочно надо обсуждать, словно умолчание грозит как минимум межконтинентальной войной. Мама ходит из комнаты в кухню, из кухни в коридор, смешно свернув голову набок – ведь надо же плечом держать телефон, попутно прибираться, жарить блинчики и еще обсуждать эти архиважные проблемы.

А я лежу под одеялом и смотрю в потолок. Конечно, весенние каникулы правильнее всего провести в кровати с температурой. И со слезящимися глазами, чтобы даже книжку не почитать и кино не посмотреть. Тогда сразу чувствуешь, что жизнь удалась: у нас с мамой кавалеров нет, поэтому ни цветов, ни подарков не бывает. Так – тортик, купленный бабушкой по случаю праздника. Но это не самое главное. Самая моя большая «удача» в том, что именно сегодня в студии будут ставить новый танец и распределять в нем роли. С этим номером лучшие поедут летом на Фестиваль в Испанию и будут представлять этим танцем весь наш город! Кто бы сомневался, что при нашей жесткой конкуренции в студии мне непременно оставят место. Только за кулисами где-нибудь...

Не знаю, кто сказал, что тоска зеленого цвета. Моя – всех цветов радуги, от пурпурно-красной с оттенками злости до безгранично-пепельной в космической печали. Я перевожу взгляд с одной потолочной плиты на другую: строители панельных домов, видимо, имели раньше традицию шлепать панели друг на друга, как пирожки: как ляжет, так и ладно. Облезлая бело-серая краска дополняет живописность «домашнего небосвода», как пишут в модных журналах, но, в противовес трендам, придает ему какой-то диковатый вид. Нет, когда-то у нас тоже был ремонт. Но я тогда была совсем маленькой и почти не помню. А с тех пор, как отец небрежно махнул ручкой маме, бросив нас, заниматься в доме обновлением интерьера стало некому. Мама моя – человек хороший, душевный, вот только без всяких связей и с маленькой зарплатой. И мной, которую, как известно, надо кормить и одевать. Желательно красиво. Нет, вообще живется мне без отца не так уж и плохо. И мама перестала быть такой нервной плаксою, как раньше. Вот только занятия танцами требуют денег с каждым годом все больше: балетки, туфли, костюмы! Это вам не в шахматы играть: купил один раз доску, и нормально...

Переворачиваюсь на бок и смотрю в окно. Бесформенно-расплывшийся снег, облепивший в последней весенней печали подоконник с той стороны, размазывается в слезной ауре моей болезни. Думаю о том, что моя подружка по танцам Таня уже, наверное, собирается на занятия. Что где-то там, за далекими-далекими нахмурившимися снегопадами живет Саша Рябинин, который, может быть, сейчас куда-то идет. Или ест. Или гуляет с друзьями. Или смотрит новые видео. Но уж точно не валяется в постели и не вспоминает меня. С того дня, когда он догнал меня в раздевалке, мы разговаривали всего два раза. Да и то – об учебе и в присутствии Свиридова, сторожившего нашу беседу как самый строгий наставник монастыря. Ну, как же: они же лучшие друзья!..

– Оля! – перочинным ножом разрезает тишину мамин голос. – Оля, я уйду в магазин, а ты лежи, не вставай.

Сонно киваю в ответ и отворачиваюсь в другую сторону: странно было бы ждать от меня в таком состоянии бурлящей активности. Мама ушла, и сон ушел. Лежу, смотрю в окно на весеннюю мокроту и придумываю свой собственный танец. Это моя мечта, о которой я никому не говорю, даже маме. Маме – в первую очередь: если она узнает, что ее дочь собирается поступать на какого-то там хореографа вместо перспективного инженера, нравочений не миновать. Так что лучше уж молча обдумать все «за» и «против». В моей студии были бы обязательно

только сложные и яркие танцы. Такие, чтобы каждый мог в них участвовать и проявить талант. И никаких народных танцев! Так надоели эти кокошники!

«Я буду в первой линии!» – восторженно пискнул телефон сообщением от Тани. Ну да, кто бы сомневался, ты своего никогда не упустишь... «Очень рада за тебя, ты талант!» – посылаю ей в ответ три счастливых смайла и выключаю звук. И без того тошно. Закрываю глаза и вижу себя танцующей в длинном, до самого пола, нежно-ультрамариновом платье из тончайшего шифона... Вокруг – юный, по-весеннему зеленый сад, на кустах и деревьях распустились цветы... Нежное солнце плавно скользит к земле и отражается тысячами искр в блестках, которыми усыпано мое платье. Откуда-то, совершенно невесомо, спускается звук скрипки, тончайшими переливами наполняет мир. И я кружусь, кружусь под эту музыку, немного грустную и в то же время такую счастливую...

Щелчок замка входной двери открывает дверь в реальность, и я с удивлением обнаруживаю, что опять уснула. Сладко потягиваюсь и...

– Р-р-р-р! Ф-ф-ф!.. – раздается из коридора.

Что это?.. Чего там с мамой такое?..

Дверь в комнату распаивается, и к моей кровати подлетает огромная беспородная псина – глаза от счастья выпучены, язык высунут так далеко, что, кажется, залетит собаке за ухо. Дворняга скачет и бежит одновременно, роняя на своем пути стул, банкетку, скидывает с кресла моего любимого с детсада плюшевого медведя. Наконец, собака добирается до меня и начинает лизаться, залезая на меня грязными лапами!..

– Мама, что это?! – вскрикиваю я со слезами, ничего не понимая.

– Олечка, это собака, – мамина наивность иногда моментально выводит меня из себя. – Она хорошая, ласковая, только бездомная...

– Да пусть хоть самая ласковая, здесь-то она откуда?! – не выдерживаю я. – Нам-то она зачем? И так в квартире разгром, в гости девчонок пригласить стыдно, а тут еще эта лохматюга!

– Оля, ну как ты можешь?.. – мама чуть не плачет. – Разве она виновата, что простая дворняга? И, в конце концов, она у нас временно: это передержка.

– Пере... что?.. – со злостью отмахиваюсь я от непрошенной уличной гостьи. – Это что еще за новости – передержка?

– Дочь! Ты же современный человек! – мама наконец-то догадывается оттащить от меня псину. – Это нормально и правильно – помогать тем, кто нуждается.

– Что же нам-то с тобой никто не помогает, а мама? – продолжаю я дуться. – Вот почему даже собаке бездомной надо помогать, а меня – хоть я и человек! – лишний раз никто о делах не спросит! Даже не поинтересуется, выздоравливаю ли или уже умираю!

Мама расстроено машет рукой, забирает собаку и уходит, плотно закрыв дверь в мою комнату. Я сажусь на кровати, завернувшись в одеяло, подтянув ноги к груди. Утыкаюсь лбом в колени, и слезы опять начинают превращать действительность в мерцающие нечеткие линии и пятна. Шмыгаю носом: ну, почему, почему все так?! Хоть бы какая-то радость за день. Вытираю потекший нос, и из-под одеяла выпадывает телефон. Онемевший в беззвучном режиме экран семафорит светом и подмигивает: новое сообщение. Открываю и...

Александр:

«Привет, Оля! Говорят, ты заболела? Поправляйся!»

Как же иногда мало надо для счастья... Сажу, как дурочка, глядя в по-прежнему мокрое окно, и улыбаюсь сама себе. Значит, он думал обо мне, думал...

Снежные танцы

Моя жизнь превратилась в ад. Мама, что и говорить, молодец такая: собачку бездомную взяла. А вот почему я ее выгуливать должна – не уточнила. И теперь утро для меня – самое настоящее мучение. Эта зверюга с гавканьем и подскуливанием выносится на улицу и таскает меня на поводке по полчаса и больше! Ни выспаться, ни поесть нормально, ни в школу толком собраться не успеваю. Брожу по дальним улицам, даже в сквер стараюсь заходить только с краю: кому в таком заспанном виде покажешься? Да еще с этим рыже-черным чудовищем, у которого шерсть торчит во все стороны.

– Какая хорошенькая! – слышится где-то за спиной женский голос.

– Да, красивая девочка. – отвечает мужчина. – И поступь такая легкая, балетная.

Автоматически оборачиваюсь и вижу пожилую пару, которая неспешно прогуливается по аллее и смотрит на меня. На меня?! Я – красивая, с балетной поступью?! Мужчина с женщиной медленно удаляются вглубь сквера, а я стою обалдевшая и счастливая – даже жар в щеки ударил. С удовольствием выпрямляю спину и... время! Разворачиваюсь и тяну за поводок упирающуюся псину: уже 7-35, через 10 минут надо выходить в школу, а еще ведь надо самой одеться. Ага, еще ведь и лапы этой собаке мыть!.. Ну, мамочка, если я теперь буду постоянно опаздывать, скажи спасибо себе самой. Дети бегут в сторону школы, а я несусь к дому. Стремглав залетаю в квартиру, наспех вытираю собаку мокрым полотенцем, переодеваюсь в первое, что выпадает из шкафа, и вылетаю на улицу. На ходу достаю из кармана нервно вибрирующий телефон.

«Ты где?! Забыла, что собрание перед уроками?» – возмущается Ленка и шлет мне сообщения каждую минуту. Я-то не забыла, да как объяснить это необразованной псине!

Врываюсь в класс, на ходу расстегиваю сумку.

– Оля, да что же это ты, – мягко журит меня наша классная, Сима Петровна, прозванная за преподавание математики и склонность все преувеличивать Максимой. – У нас такая важная тема: участие в математической олимпиаде, а ты пришла, когда уже все обсудили. Но, может быть, ты хотя бы в этом году захочешь принять участие?

От неожиданности я остановилась, не дойдя до своей парты. Я – олимпиаду по алгебре?! А смысл, если и так всем ясно, что последнее место – мое персональное. Априори, как говорит моя мама.

– Воронцова – математик года! – заржал как спятивший конь Свиридов, подтверждая вслух и без того известную истину.

– Павел, не будь таким пессимистом, – покачала головой Максима и, поправив очки, повернулась к доске. – Я уверена, если бы Оля захотела, она вполне бы могла одолеть и алгебру, и геометрию. Хотя бы на уровне школьной программы... Ну что же, раз вопрос с олимпиадой перестал быть актуальным, вернемся к не менее интересной теме сегодняшнего урока и обратимся к квадратному корню из степени...

До самого звонка я пребывала в полусонном состоянии: сложно оставаться бодрой и адекватной, когда разбирают такую скуку. Зато Польшгалова успела нашептать мне, что перед майскими праздниками в школе устроят грандиозный праздник. Оказывается, в этом году у нашей школы юбилей, так как Григорий Иванович, работавший в давние-давние времена учителем в нашей школе, лично заложил первый кирпич в основание фундамента первого мая. И на тридцатое апреля уже назначен юбилей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.